

Цай Тянь остановил движения и с двусмысленным выражением посмотрел на Е Сюя, который крепко зажмурил глаза.

Спустя мгновение Цай Тянь взял Е Сюя за руку, оставшуюся лежать поверх тонкого одеяла. Е Сюй попытался отдернуть её, но безуспешно. Он услышал, как Цай Тянь спрашивает его:

— Кто ты?

Е Сюй открыл глаза и с изумлением уставился на Цай Тяня. Этот соплик что, умом тронулся? Даже не знает, кто он такой.

— Ты спросил, нравлюсь ли я тебе, так что сначала ответь мне: ты Е Сюй или мой отец?

Е Сюй в очередной раз лишился дар речи. Этот соплик на вид казался не особо образованным, но всякий раз умудрялся ставить в тупик Е Сюя, бывшего школьного учителя.

— Или сначала пообещай мне, что какой бы ни был твой ответ, ты сможешь его принять.

Это была ловушка, и Е Сюй был вовсе не так глуп, чтобы в нее прыгать. Он тут же покачал головой.

— Не хочешь знать? Тогда ложись спать пораньше. — Цай Тянь снял одежду и нырнул под одеяло. Их тела разделял лишь тонкий слой поношенной тканевой одежды Е Сюя. Их телесное тепло смешалось, и воздух под одеялом начал быстро нагреваться.

Е Сюй не смел шевельнуться, прекрасно зная о пылевых бурях в мужском организме в период полового созревания. Если бы такой деревенский паренек, как Цай Тянь, не прочитавший толком ни одной книги, вдруг потерял контроль над рассудком, его собственный хрупкий организм наверняка бы пострадал.

Почему это он, переместившись в другой мир, должен натолкнуться на любителя мужчин? — мысленно взвыл Е Сюй.

Прошло некоторое время, и Е Сюй, уже не в силах сопротивляться накатывающей сонливости, расслабил тело и стал проваливаться в сон. В этот момент он услышал, как Цай Тянь зовет его:

— Е Сюй.

Е Сюй не ответил.

— Отец, ты уснул?

Е Сюй тем более не собирался отвечать — еще чего, какой он тебе отец.

Вокруг снова воцарилась тишина, за окном изредка доносился собачий лай. В полудреме Е Сюй вспомнил, как в детстве ездил в гости к прабабушке. Прямо перед её домом раскидывался огромный пруд, полный розовых лотосов, изумрудных листьев и белых пухлых корней. Садись в лодочку, плывешь среди них — любишься цветами и тут же лакомишься коробочками лотоса, в этом было что-то особенное. К обеду вся семья собиралась вместе, разливалось уютное тепло, а у ног резвились котята и щенки. Вечером, спасаясь от жары во дворе, ешь арбуз, охлажденный в колодезной воде, и слушаешь, как прабабушка рассказывает страшные истории — ну разве не благодать? Но времена изменились, и при мысли о том, что он больше никогда не увидит родителей и родных, на сердце у Е Сюя защемило от горечи.

В самый разгар этой тоски грудь Цай Тяня прижалась к спине Е Сюя еще плотнее. Е Сюй почувствовал, как пальцы Цай Тяня запутались в его прядях у виска и принялись их легко тереть. Спустя мгновение Цай Тянь тяжело вздохнул, прижался лицом к лопаткам Е Сюя и тихо проговорил:

— Я люблю своего отца, уже давно люблю. Он отдал мне слишком много сил, и пусть он не мастак говорить красиво и бывает со мной очень строг, я знаю, что всё это ради моего же блага. Телом он слаб, но характером силен — как можно не любить человека с такой мягкой изнутри, но твердой снаружи душой и с таким чистым стремлением молчаливо жертвовать собой? Я не знаю, любит ли меня отец, но знаю, что ради меня он отказался от нескольких свадеб. Я дал себе тайную клятву в сердце: всю жизнь буду рядом с отцом и стану заботиться о нем.

Спину Е Сюя поцеловали, отчего стало щекотно, а кожа покрылась легкой испариной.

Цай Тянь уткнулся кончиком носа в затылок Е Сюя и произнес слова, которые Е Сюй не смог бы забыть до конца своих дней:

— Я люблю отца, а значит, буду любить и тебя вместе с ним. Раньше я лишь смотрел на тебя, теперь — люблю, а в будущем — стану о тебе заботиться. Эта клятва верна на всю жизнь.

Услышав, как кто-то произносит столь весомую клятву в его адрес, Е Сюй не знал, то ли радоваться ему, то ли плавать в слезах. С одной стороны, ему повезло: стоило перенестись в иной мир, как нашелся человек, который безумно любит его и окружает заботой. С другой — не повезло: человек этот страстно любит хозяина этого тела. А до блуждающей души самого Е Сюя никому нет дела.

Тепло чужого тела постепенно рассеивалось, Е Сюй больше не ощущал присутствия Цай Тяня. В этой маленькой соломенной хижине остался лишь он один, свернувшись калачиком в углу глинобитной лежанки, да струился сквозь щели прохладный ветерок. Е Сюй чувствовал себя совершенно одиноким.

Этой ночью Е Сюй так и не смог заснуть по-настоящему, и лишь к пятой страже забылся

тревожным сном.

Е Сюю снилось всякое: то родители ведут его в парк развлечений, то лунный пейзаж у прабабушкиного пруда. Последний сон заставил его в ужасе вскочить: ему привиделось, будто он облачен в ярко-красные свадебные одежды и счастливо кланяется Небесам и Земле вместе с Цай Тянем. Е Сюй резко сел, обливаясь холодным потом. Да как такое вообще возможно! Он закрыл лицо руками и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять бешено бьющееся сердце.

Утро выдалось прекрасным: яркие лучи солнца пробивались сквозь оконную решетку, согревая кожу теплом и уютом. Е Сюй потерял лицо, заставляя себя взбодриться.

Соседняя постель давно пустовала, не сохранив даже намека на тепло человеческого тела. Е Сюй понятия не имел, когда Цай Тянь встал и куда ушел. Рядом с подушкой лежала аккуратно сложенная чистая синяя одежда — Е Сюй сразу догадался, что это вещи отца Цай Тяня.

Одевшись, Е Сюй спустился с кровати и увидел на столе миску с отваром из целебных трав и два золотистых кукурузных пампуха. Тут он вспомнил про ушибленное колено. Впрочем, после ночного отдыха опухоль спала, и кроме легкой ломоты и боли при сгибании ног никаких проблем больше не оставалось. И всё же Е Сюй послушно выпил черную горькую жижу — в конце концов, Цай Тянь добыл её ценой собственного достоинства.

Покончив с лекарством, Е Сюй вышел во двор, умылся чистой водой и, жуя кукурузный пампук, принялся размышлять, что делать дальше. Вчера по возвращении он был так промерзший и голодный, что думал лишь о выживании и совсем не огляделся по сторонам. Очутившись в этом странном мире, он лишь вскользь проехал мимо торгового городка, а затем сразу угодил в горы. Из живых людей он видел только Цай Тяня да того старого лекаря. Больше Е Сюй не знал ровным счетом ничего.

Он подумывал применить свои современные научные знания, чтобы хоть как-то заработать на жизнь в этом мире, но ведь он преподавал электронную коммерцию! В этой реальности такая дисциплина совершенно бесполезна: здесь даже электричества отродясь не видели, не говоря уже о компьютерах и прочих высоких технологиях.

Е Сюй немного пал духом. Жизнь в деревне, конечно, кажется безмятежной, но для современного горожанина, привыкшего к сверкающим огням ночной жизни, это настоящее мучение. Чего стоит одно отсутствие электричества — к этому Е Сюй смириться никак не мог. Хоть бы свечку какую зажгли! А еще этот назойливый жужжащий звук, кружащий над ухом. От подобных мыслей кусок кукурузного пампуха застрял в горле — дело было даже не в брезгливости, он просто совершенно не привык к подобным условиям.

Е Сюй в раздражении зашагал туда-сюда по маленькому двору. Воздух, казавшийся ему таким свежим еще недавно, теперь отдавал тяжелым запахом сырой земли. Первоначальный восторг давно испарился, полностью стертый суровой реальностью. А тут еще этот сопляк Цай Тянь куда-то пропал, и некому было проявить заботу — Е Сюй чувствовал, как внутри него закипает

глухое раздражение.

<http://bllate.org/book/26724/3200749>